

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

Інститут археології

Виконком Коростенської міської Ради

Коростенська філія Житомирського обласного

краєзнавчого музею

СТАРОДАВНІЙ ІСКОРОСТЕНЬ І СЛОВ'ЯНСЬКІ ГРАДИ

Збірка наукових праць

Том 2

Коростень - 2008

ЧИСЛЕННОСТЬ «ДРУЖИНЫХ» ГАРНИЗОНОВ НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Основным источником по изучению «дружинной культуры» Древней Руси являются погребальные памятники, которые можно относить к воинским или «дружинным». Термин «дружинные курганы» достаточно распространен и прочно укоренился в отечественной науке. Однако, что же собственно такое «дружинные курганы» как тип погребальных памятников на сегодняшний день определить довольно сложно. Круг «дружинных древностей» в целом достаточно аморфен, и критерии для их выделения часто произвольны и не всегда имеют строгое обоснование. Здесь действует, скорее, сформировавшаяся историографическая традиция. Показательна в этом отношении характеристика, данная Ф.А. Андрощуком в 1993 г.: ««Дружинная» погребальная культура характеризуется следующими признаками: мечи, скрамасаксы, щиты, копья, стрелы, конское снаряжение, костяные острия. Костюм репрезентирован кафтанами или рубахами с бронзовыми пуговицами и скандинавскими фибулами»¹.

Общепринятые критерии — присутствие в погребальном инвентаре оружия и предметов, относимых к «дружинной культуре» — не всегда методологически удовлетворяют и часто оставляют массу вопросов. Любые ли предметы вооружения маркируют дружинное погребение, и можно ли выделить устойчивый «дружинный набор» оружия в погребальном инвентаре? Можно ли причислять к дружинным погребения, содержащие в инвентаре из предметов вооружения только стрелы (без предметов «дружинной культуры»)? Как атрибутировать погребения, не содержащие никакого инвентаря, кроме оружия? В какой степени относятся к кругу дружинных древностей погребения, не содержащие предметов вооружения и включающие в то же время те или иные элементы «дружинной культуры»? Можно ли в качестве критериев дружинных курганов (помимо оружия) выделить какие-либо особенности погребального обряда в целом (размер и структура насыпи, фиксируемые по материальным следам ритуальные действия и др.)? Насколько иноэтничные вещи (в первую очередь скандинавские), которые считаются самыми яркими и очевидными маркерами «дружинной культуры», в действительности привязаны только к этой узкой социальной группе — дружинной организации, и являются ли они индикаторами только этой социальной группы?

Не вызывает сомнений сам факт того, что появившаяся на восточнославянских территориях около конца IX — начала X вв. новая социальная структура (дружинная организация) сформировала и собственные этнокультурные феномены, значительно повлиявшие на сложение впоследствии раннегородской культуры Древней Руси. Одним из таких феноменов стали и «дружинные курганы», как особый тип погребальных памятников. В связи с этим, анализируя социальную информативность погребений, Г.С. Лебедев пришел к выводу, что «группы погребений, совершенных по определенному типу ритуала, соответствуют общественным группам древних людей, сознававших общность своего положения, и выразивших это сознание в формах погребального обряда»².

При работе с материалами погребений и анализе содержащейся в них информации мы имеем дело с результатом сознательных действий людей средневековья, со своего рода «осознанным текстом», смысл которого очень далек от современной ментальности. Характер этого «текста» представляется более сложным, чем просто информация о социальной реальности, якобы преломленная призмой погребальной мифологичности. В современной науке разработано несколько подходов к работе с подобными «погребальными текстами», в том числе и к работе с социальной информацией, содержащейся в погребениях.

В данной работе использован подход, сформулированный В.Я. Петрухиным и Д.С. Раевским в 1980 г. на конференции «Идеологические представления древних обществ» и отчасти В. С. Ольховским в первой половине 1990-х гг. в рамках большой дискуссии о социоинформативности погребальных памятников, прошедшей на страницах журнала «Российская археология»³.

Говоря о социоинформативности погребального памятника и обряда, необходимо отметить, что погребальная обрядность отражает не столько объективную *реальность*, существующую в обществе, сколько *представление* общества об этой реальности⁴.

Среди дифференцирующих признаков, характеризующих погребальные комплексы, выделяются два различных уровня, несущих различную историческую информацию. «Признаки явного уровня», трактовавшиеся самим обществом в качестве социальных индикаторов и регламентированные обрядом. Эти признаки как раз и призваны отразить существующие в обществе социальные *концепции*. «Признаки неявного уровня» содержат информацию о градациях общества, неосознававшихся самими его членами⁵.

Предметы вооружения в погребении, безусловно, являются, «признаками явного уровня». Они показывают то место, которое занимал погребенный в социальной концепции общества, члены которого сочли необходимым сопроводить погребение оружием. Оружие здесь выступает как некий «символ», социальный маркер дружинного погребения.

Поэтому, не *род занятий*, а именно *место, занимаемое в социальной концепции общества*, определяют присутствие оружия в дружинном погребении. Здесь достаточно вспомнить, например, детские погребения с оружием и предметами «дружинной культуры» (камерное детское погребение № 110 (раскопки 1909 г.) в районе Десятинной церкви в Киеве и др.). Погребенные дети, не могли являться воинами, но, поскольку они принадлежали к дружинной среде, с ними в погребение клали при захоронении оружие. Так же можно вспомнить случаи нахождения в «дружинных курганах» предметов ремесленного производства (Шестовицы), культовых предметов (Черная могила), которые, естественно, не демонстрировали род занятий, а являлись определенным символом.

Оружие, вероятно, так же являлось символом, демонстрирующим место погребенного в социальной *концепции* общества (которая детально может и отличаться от реальной социальной *структуры*). Поэтому, вероятно, нельзя напрямую связывать характер погребального инвентаря с *родом занятий* погребенного. Т.е., погребения с оружием можно интерпретировать как принадлежащие профессиональным воинам, поскольку только их социальный статус находил отражение в специфическом погребальном обряде (наличие оружия в инвентаре); различного рода «ополченцы» и «вои» из рядового населения, которые собирались только для каких-либо крупных военных предприятий, никаких социально значимых маркеров в погребальном обряде не имели.

Основная задача данной работы — выяснить можно ли при таком практически единственном пока критерии, как присутствие оружия в инвентаре, определить круг погребений профессиональных воинов; и показать какого рода отряды были необходимы и достаточны для контроля и обеспечения жизни торгово-ремесленных поселений.

Результаты последних исследований Гнездово показали, что по крайней мере до 50-60-х гг. X в. этот крупный торгово-ремесленный центр был относительно независим от великокняжеской власти Киева⁶. При этом воинские погребения здесь появляются уже с начала или первой четверти X в.⁷ Т.е., здесь существовал самостоятельный дружинный отряд со своим предводителем, контролировавший и обслуживавший важный административный и торговый пункт на ключевом участке Днепровского пути. Вопрос о существовании «независимых дружин» на древнерусских территориях уже давно решен положительно. В советской и какое-то время в постсоветской исторической науке долгое время считалось, что все проявления «дружинной культуры» в X в. относятся к известным по ранним летописям первым Рюриковичам и их воинским отрядам⁸. В настоящее время становится все очевиднее, что до второй половины конца X в. некоторые торговые (Тимерево, Гнездово) и раннегородские (летописные Полоцк и Туров) пункты могли контролироваться независимыми от Киева воинскими отрядами и их предводителями. Точно так же очевидно, что великокняжеское Среднее Поднепровье было не единственным источником и «эпицентром» полиэтничной «дружинной культуры» Древней Руси⁹.

Численность дружинных отрядов, находящихся на различных древнерусских памятниках в период формирования Древнерусского государства на протяжении X в. возможно определить исходя из процентного содержания воинских погребений на относительно полно раскопанных могильниках, либо в случаях, когда число раскопанных курганов достаточно для статистической обработки.

Обращает на себя внимание устойчивость доли погребений с оружием для крупных торгово-ремесленных поселений на Днепровском и Волжском путях. Как правило, воинские погребения составляют 10-13 % по отношению к общему числу раскопанных курганов. Устойчивость этого процента для нескольких памятников говорит об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов.

В Гнездово на сегодняшний день известно 115 комплексов с оружием¹⁰, что при различных методиках подсчета дает от 10 до 13 % воинских погребений. При этом около 50 погребений Гнездово содержат из оружия в инвентаре только стрелы, и в тех случаях, когда здесь присутствуют предметы «дружинной культуры», они включены в круг «дружинных курганов»¹¹.

В Тимерево процент погребений с оружием составляет 12 %, в Михайловском 11,5 %, в Петровском – 12 %. Всего в могильниках Ярославского Поволжья по последним подсчетам выявлено 85 курганов с предметами вооружения из 714 раскопанных насыпей, что суммарно составляет около 12 % воинских комплексов для могильников Ярославского Поволжья¹². Среди них 34 кургана содержат в инвентаре одиночные стрелы, не сочетающиеся с другим вооружением (что в процентном отношении от общего числа курганов с предметами вооружения сопоставимо с Гнездово).

Учитывая, что в Гнездово численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек¹³, можно предположить, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 50-60 человек (исходя из процентного соотношения погребений с оружием относительно общего количества раскопанных комплексов). Подобные размеры дружины реконструируются и для более раннего (IX - начало X вв.) Супрутского контрольно-административного центра на Донском пути. По реконструкции А.В. Григорьева при общей численности населения Супрут около 300 человек здесь находился постоянный дружинный отряд численностью около 40 воинов (что также составляет 13 % супрутского населения)¹⁴. Материалы центра в Ярославском Поволжье (Тимерево, Михайловское, Петровское) как единого пункта контроля торгового пути в этом регионе (возможно речь идет о каком-то общем воинском отряде, отраженном в материале трех могильников) позволяют предположить здесь общую численность профессионального воинского отряда до 40 человек.

Аналогичные по численности характеристики имел в X в. и постоянный воинский отряд Бирки. Типологически близкие торгово-ремесленные поселения Гнездово, Бирка и центр в Ярославском Поволжье, выполняя одинаковые функции на общеевропейских торговых путях, демонстрируют в этом отношении сходство и в социальной организации. В Бирке выделяется отдельный участок поселения, т.н. «Гарнизон» (Garrison), перекрывающий единственный открытый путь от берега к укрепленному городищу (Borg). Археологический материал позволяет интерпретировать «Гарнизон» как местоположение постоянного профессионального воинского отряда дружины Бирки. Здесь, помимо укреплений, находилась кузница, основной задачей которой был ремонт оружия и доспеха, и т.н. «воинские палаты» (Warrior's hall) – длинный дом «треллеборгского типа» с ладьевидными стенами, размеры постройки 9 x 19 м. Это сооружение и было местом постоянного пребывания воинов Бирки. Примечательна судьба этого участка поселения: в период гибели Бирки в конце X в. на «Гарнизон» была направлена основная волна штурма – длинный дом гибнет в пожаре¹⁵, что позволило исследовать его как единовременно погибшую постройку. Материалы Гарнизона позволили шведским исследователям реконструировать численность дружинного отряда Бирки. Опорным материалом здесь стало обнаружение вдоль стен «воинских палат» ряда сундуков, в которых воины хранили свое личное имущество (сохранились замки и оковки сундуков) и количество костяных гребней и футляров от них и их фрагментов (гребень в футляре в данном контексте считается элементом воинской культуры). Численность постоянного воинского отряда Бирки, таким образом была определена ориентировочно в 40 человек¹⁶. Реконструированная численность дружины Бирки совпадает с размерами гарнизонов ряда английских замков XII в., согласно исследованиям Майкла Прествича¹⁷ отряды эти насчитывали от 20 до 60 воинов.

Материалы Бирки не только отражают наиболее близкую к Гнездово ситуацию, но и в значительной степени подтверждают использованную нами методику выделения и анализа дружинных погребений для древнерусских памятников. Из примерно 1100 раскопанных в Бирке курганов предметы вооружения содержатся в 102¹⁸; это дает чуть меньше 10 % воинских погребений. Учитывая реконструированную А.С. Грэслунд численность постоянного населения Бирки в 500 - 600 человек¹⁹, можно таким образом говорить о пребывании здесь постоянного

дружинного отряда в 50 человек. Эти статистические подсчеты практически полностью совпадают с результатами анализа материалов «Гарнизона» Бирки (т.е., поселенческого слоя), описанными выше, которые дают цифру 40 человек.

Таким образом, мы можем реконструировать размеры постоянных дружинных отрядов, необходимых для защиты и обеспечения функционирования торгово-ремесленных поселений Древней Руси. Как видим, размер такого отряда прямо пропорционален численности постоянного населения поселка. Значительно большее число воинских погребений зафиксировано в Шестовице. Д.И. Блифельд относит здесь к числу «дружинных» 30 курганов из 147 раскопанных, что составляет около 20 %²⁰. Такой высокий процент воинских погребений, по всей видимости, объясняется социально-политической спецификой этого дружинного лагеря. С известной долей осторожности можно попытаться подсчитать процент погребений, относящихся к дружинной среде в Киеве. По материалам раскопок М.К. Каргера подобные погребения составляют здесь около 18 %.

Подсчеты численности военных отрядов на основе процента погребений с оружием на тех или иных некрополях осуществлялись также чешскими исследователями для памятников Великой Моравии. В захоронениях, расположенных на территории великоморавских градов до трети мужчин имеют военные атрибуты (что сопоставимо с материалами Киева); в раннефеодальных усадьбах этого же времени удельный вес захоронений воинов чуть больше около 20 - 40 % (что сопоставимо с шестовицким дружинным лагерем в непосредственной близости от Чернигова)²¹. В этой связи можно предположить, что пункты, подконтрольные раннегосударственной власти, содержали значительно большие постоянные воинские контингенты, чем «самостоятельные» торгово-административные центры (Гнездово, Тимерево). В этом отношении показательны т.н. «королевские лагеря» Дании (Треллеборг, Фюркат, Аггерсборг), включавшие сотни воинов.

Дружины северных предводителей по численности, судя по сообщениям саг «Круга Земного», были вполне сопоставимы с описанными воинскими отрядами Гнездово, Бирки или торгово-ремесленного центра Ярославского Поволжья. «Сага о Харальде Прекрасноволосом», описывая нововведения Харальда на захваченных землях, отмечает, что каждый ярл (управляющий достаточно большой областью-фюльком) в случае необходимости должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого Харальда состояла также из 50-70 человек: в саге говорится, что вся его дружина смогла составить команду одного «большого и роскошного корабля с драконьей головой» команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов. Информацию о составе дружин дает описание распространенного в средневековой Скандинавии приема политической борьбы – сжигание противника в доме со всей его дружиной во время пира²². Сознвая общую условность приведенных в «Круге Земном» численностей воинских отрядов, отметим все же, что в таких эпизодах (сожжение предводителя с дружиной) фигурируют обычно коллективы до 90 человек.

Причем, отряды такой численности были вполне боеспособны для выполнения различных военных акций и политических задач. В этом отношении довольно примечательный сюжет связан с борьбой за Оркнейские острова. По распоряжению ярла Мёра Регнвальда, Торф-Эйнара на одном боевом корабле (т.е., также около полусотни воинов) захватил Оркнеи, выбив отряды хозяйничавших там викингов, и остался со своими воинами править островами.

Обращает на себя внимание тот факт, что как при подсчетах постоянных воинских контингентов торгово-ремесленных поселений Восточной и Северной Европы (Гнездово, Бирка), так и в упоминаниях подобных отрядов в письменных источниках (саги), речь идет в большинстве случаев о воинском объединении, соотносимом по численности с командой боевого корабля. При этом, если для Скандинавии такая связь может быть прямой, то в случае с Восточной Европой это практически невозможно – по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике. В связи с этим чрезвычайно показателен в сагах ряд сюжетов с описанием вейцлы. В «Саге об Олаве Святом» говорится, что «обычно, когда конунги объезжали Уппленд, с ними было шестьдесят или семьдесят человек» (в противопоставление Олаву, который однажды взял с собой более трехсот)²³. Эпизод из «Саги об Олаве Тихом» позволяет трактовать такую численность отряда (60-70 человек) как определенную *правовую традицию*. Олав Тихий объезжал бондов с дружиной в 120 человек²⁴ (не считая других сопровождающих лиц). Бонды, вероятно

недовольные таким количеством «гостей», спрашивали Олава «почему у него больше людей, чем полагается по закону (выделено нами А.Ф.) и чем было у конунгов до него»²⁵. Можно предположить, что численность личных дружин скандинавских предводителей имела в основе своей традицию («закон»), восходящую к численности корабельной команды – воинам, находящимся с конунгом в бою на одном корабле (своего рода фелаги).

Неоднократно отмечалась типологическая близость институтов вейцлы и полюдья кормления князя с дружиной на подчиненных территориях в зимний период. В связи с этим, описания такого кормления в сагах (включая численность «кормящихся» и ее традиционноподоплеку), возможно, могут быть отчасти спроецированы и на Древнюю Русь. В письменных источниках древнерусское полюдь упоминается только в сочинении Константина Багрянородного. В его описании, в связи с интересующей нас темой, в первую очередь обращают на себя внимание слова, что в ноябре архонты «выходят со всеми (выделено нами А.Ф.) росами из Киавы и отправляются в полюдия»²⁶.

Напомним, что в данной работе речь идет только о воинских коллективах, либо составляющих личные дружины, либо необходимых для контроля торгово-административных центров. Для масштабных военных акций люди набирались специально и только на время похода. Так, в «Саге о Хаконе Добром» при описании подготовки похода Эйрика Кровавой Секиры на побережье Англии говорится, что Эйрик объехал несколько регионов, собирая войска: помимо собственных отрядов, он собрал воинов с Оркнейских островов, «Южных островов» и из Ирландии. Подобным же образом, по всей видимости, комплектовались войска и для походов русов на Каспий в 912-913 гг и 943-944 гг., и для походов Олега и Игоря на Константинополь.

- ¹ Андросчук Ф. А. Курганы в раскопках Д. Я. Самоквасова и «дружинная» погребальная культура // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернігів. 1993. С. 29.
- ² Лебедев Г. С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. № 148. С. 25.
- ³ Гуляев В. И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. 1993. № 1. С. 76-78; Мельник В. И. Погребальный обычай и погребальный памятник // Там же. С. 94-98; Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // Там же. С. 78-94; Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Там же. С. 98-113; Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. 1993. № 4; Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2; Рычков Н. А. Традиция, обычай, обряд // РА. 1997. № 2.
- ⁴ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Социальная реальность идеология погребальный комплекс (к проблеме соотношения) // Конференция «Идеологические представления древних обществ». Тезисы докладов. М., 1980, С. 32; Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.
- ⁵ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. 1980. С. 32.
- ⁶ Нефедов В. С. Гнездовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнездово: история и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Смоленск, 1998; Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 70.
- ⁷ Каинов С. Ю. Еще раз о датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнездовского могильника) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 62.
- ⁸ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М., 1999. С. 106-109.
- ⁹ Хлевов А. А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб., 1999; Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. – Брянск, 2002. С. 234-247; Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. К., 2004; Щавелев А. С. Сага о Йомсвикингах // Русский сборник: Сборник научных трудов, посвященный 25-летию исторического факультета Брянского госуниверситета. – Брянск, 2002. С. 261.
- ¹⁰ Каинов С. Ю. К вопросу о количественной оценке погребений с предметами вооружения в Гнездовском могильнике // XVI конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – Архангельск, 2008 (в печати).
- ¹¹ Фетисов А. А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // РА. 2004. № 3.
- ¹² Зозуля С. С. Предметы вооружения Ярославского Поволжья X-XI вв. М., 2007. Дипломная работа. Кафедра археологии МГУ.
- ¹³ Пушкина Т. А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 9.
- ¹⁴ Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Волги. – Тула, 2005. С. 158.

- ¹⁵ Hedenstierna-Jonson, Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society // Theses and Papers in Scientific Archaeology, 8. Stockholm, 2006.
- ¹⁶ Там же. С. 61.
- ¹⁷ Prestwich M. The garrisoning of English medieval castles // The Normans and their Adversaries at War. – Woodbridge, 2001. Pp. 185 200.
- ¹⁸ Lena Thalín-Bergman. Die Waffengraber von Birka // Birka II:2. Systematische Analysen der Graberfunde / ed. Greta Arwidsson. – Stockholm, 1986. P. 5 10.
- ¹⁹ Graslund A.-S. The Burial Customs. A Study of the Graves on Björko. // Birka IV. Stockholm, 1980. P. 82 83.
- ²⁰ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К., 1977. С. 92 99.
- ²¹ Рутткай А. Войско и вооружение в великоморавский период // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 145.
- ²² Хлезов А. А. Дружина Севера как исторический феномен // Скандинавские чтения 1998 г. СПб, 1999. С. 55 56; Круг Земной. М., 1980. С. 44 58.
- ²³ Круг Земной... С. 186.
- ²⁴ Напомним, что в данном случае речь идет о событиях второй половины XI в.
- ²⁵ Круг Земной... С. 465.
- ²⁶ Константин Багрянородный. «Об управлении империей» // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху Раннего Средневековья. С. 273. Можно предположить, что речь в данном случае идет если не о всей великокняжеской дружине (что маловероятно), то о большей ее части.